

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи Чертик в баночке

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172811*

Ведьма: Эксмо; М.; 2007

ISBN 5-699-20104-4

Надежда Тэффи

Чертик в баночке

(Вербная сказка)

* * *

Я помню.

Мне тогда было семь лет.

Все предметы были тогда большие-большие, дни длинные, а жизнь – бесконечная.

И радости этой жизни были несомненные, цельные и яркие.

Была весна.

Горело солнце за окном, уходило рано и, уходя, обещало, краснея:

– Завтра останусь дольше.

Вот принесли освященные вербы.

Вербный праздник лучше зеленого. В нем радость весны обещанная, а там – свершившаяся.

Погладить твердый ласковый пушок и тихонько разломать. В нем зеленая почечка.

– Будет весна! Будет!

В Вербное воскресенье принесли мне с базара чертика в

баночке.

Прижимать нужно было тонкую резиновую пленочку, и он танцевал.

Смешной чертик. Веселый. Сам синий, язык длинный, красный, а на голом животе зеленые пуговицы.

Ударило солнце в стекло, опрозрачнел чертик, засмеялся, заискрился, глазки выпучены.

И я смеюсь, и я кружусь, пою песенку, нарочно для черта сочиненную.

– День-день-дребедень!

Слова, может быть, и неудачные, но очень подходящие.

И солнцу нравятся. Оно тоже поет, звенит, с нами играет.

И все быстрее кружусь, и все быстрее нажимаю пальцем резинку. Скачет чертик, как бешеный, звякает боками о стеклянные стенки.

– День-день-дребедень!

– А-ах!

Разорвалась тонкая пленочка, капает вода. Прилип черт боком, выпучил глаза.

Вытрясла черта на ладонь, рассматриваю.

Некрасивый!

Худой, а пузатый. Ножки тоненькие, кривенькие. Хвост крючком, словно к боку присох. А глаза выкатил злые, белые, удивленные.

– Ничего, – говорю, – ничего. Я вас устрою. Нельзя было говорить «ты», раз он так недоволен. Положила ваты в спи-

чечную коробочку. Устроила черта.

Прикрыла шелковой тряпочкой. Не держится тряпочка, ползет, с живота слезает.

А глаза злые, белые, удивляются, что я бестолковая.

Точно моя вина, что он пузатый.

Положила черта в свою постельку спать на подушечку. Сама пониже легла, всю ночь на кулаке проспала.

Утром смотрю, – такой же злой и на меня удивляется.

День был звонкий, солнечный. Все гулять пошли.

– Не могу, – сказала, – у меня голова болит. И осталась с ним няньчиться.

Смотрю в окошко. Идут дети из церкви, что-то говорят, чему-то радуются, о чем-то заботятся.

Прыгает солнце с лужи на лужу, со стеклышка на стеклышко.

Побежали его зайчики «поймай-ловлю»! Прыг-скок. Смеются-играют.

Показала черту. Выпучил глаза, удивился, рассердился, ничего не понял, обиделся.

Хотела ему спеть про «день-дребедень», да не посмела. Стала ему декламировать Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

Стихотворение было серьезное, и я думала, что понравится. И читала я его умно и торжественно.

Кончила, и взглянуть на него страшно.

Взглянула: злится – того гляди, глаза лопнут.

Неужели и это плохо? А уж лучшего я ничего не знаю.

Не спалось ночью. Чувствую, сердится он: как смею я тоже на постельке лежать. Может быть, тесно ему, – почему я знаю.

Слезла тихонько.

– Не сердитесь, черт, я буду в вашей спичечной коробочке спать.

Разыскала коробочку, легла на пол, коробочку под бок положила.

– Не сердитесь, черт, мне так очень удобно. – Утром меня наказали, и горло у меня болело. Я сидела тихо, низала для него бисерное колечко и плакать боялась.

А он лежал на моей подушечке, как раз посередине, чтобы мягче было, блестел носом на солнце и не одобрял моих поступков.

Я низала для него колечко из самых ярких и красивых бисеринок, какие только могут быть на свете.

Сказала смущенно:

– Это для вас!

Но колечко вышло ни к чему. Лапы у черта были прилеплены прямо к бокам вплотную, и никакого кольца на них не напялишь.

– Я люблю вас, черт! – сказала я.

Но он смотрел с таким злобным удивлением:

Как я смела?!

И я сама испугалась, – как я смела! Может быть, он хотел спать или думал о чем-нибудь важном? Или, может быть, «люблю» можно говорить ему только после обеда?

Я не знала. Я ничего не знала и заплакала.

А вечером меня уложили в постель, дали лекарства и закрыли тепло, очень тепло, но по спине бегал холодок, и я знала, что, когда уйдут большие, я слезу с кровати, найду чертову баночку, влезу в нее и буду петь песенку про «день-дребедень» и кружиться всю жизнь, всю бесконечную жизнь буду кружиться.

Может быть, это ему понравится?